

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

ОТКРЫТЫЙ МИР	9
Репрессивное воспитание	9
Мы все родом из детства	11
Сомнительность понятия «черная педагогика»	16
Новое и вместе с тем старое исследование	17
Метод исследования	21
Перевоспитание взрослого	22

Глава 1

Я РАССКАЖУ ТЕБЕ О СВОЕМ ВОСПИТАНИИ	23
Как воспитать нацистского преступника	23
Когда жизнь обретает собственную силу	27
А если остаться сиротой?	31
Я стану исполнением твоего желания	35
Я никогда не называл тебя мамой	39
Освобождение от патриархата	43
Запутанный лабиринт полученного воспитания	47

Глава 2

КАК НАС ВОСПИТАЛИ	49
Какое воспитание стоит за фотографией?	51
Истерика в супермаркете	52
Не только активное воспитание	60
Эксплицитное и имплицитное воспитание	65
Роман моего воспитания	72
Продолжение собственной истории	92

Глава 3

ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ СЦЕНАРИЙ	97
Ткань и платье	97
Эрик Берн и его теория сценариев	103

Воспитательный сценарий	105
Как это работает?	109
Триггер и воспитательный сценарий	111
Даем название воспитательному сценарию	118
Фото, которое многое раскрывает	123
«Rangiat»	135

Глава 4

ПРАВИЛЬНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО СЦЕНАРИЯ139

Музыка по отцовскому повелению	140
Воспитательный сценарий как культурная традиция	141
Известные примеры	144
Желание или требование?	145
«Я не буду твоей копией!»	148
Верблюд, лев и дракон	149
«Дорогие родители, я пишу вам...»	160
Дик Фосбери: делайте как он	165

Глава 5

ВОСПИТЫВАТЬ ДЕТЕЙ, НЕ ПОВТОРЯЯ ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ СЦЕНАРИЕВ169

Из детей — в родители	169
Когда ты еще подросток	171
Переосмысление родительских сценариев	174
Уникальная возможность	181

Глава 6

СВОБОДА ВЫБИРАТЬ, ЧЕМУ УЧИТЬСЯ187

Всегда можно начать сначала	187
В 13 лет трудно выбрать правильную школу!	190
Место, где учатся взрослые	192
Учиться отбрасывать, а не накапливать	196
Позитивный прецедент	199

Приложение

А КОГДА-ТО ДЕТЕЙ ТУГО ПЕЛЕНАЛИ203

Скажи мне, как ты воспитываешь детей, и я скажу тебе, кто ты	203
Патриархальная власть над детьми	205
Постепенный отказ от насилия над детьми	208
Кормилицы: изощренная жестокость	211
Прощайте, ходунки!	217
Пеленание	218
Манеж	220
Ходунки	222
«Вожжи»	223
Кормление по расписанию	225
Материнская монополия на детей	226
Воспитательные методы как зеркало общества	230

КНИГА В КОМИКСАХ233

Предисловие. Открытый мир	235
Глава 1. Я расскажу тебе о своем воспитании	236
Глава 2. Как нас воспитали	237
Глава 3. Воспитательный сценарий	238
Глава 4. Правильное использование воспитательного сценария	239
Глава 5. Воспитывать детей, не повторяя воспитательные сценарии	240
Глава 6. Вы свободны выбирать, чему учиться	241
Приложение. Было время, когда детей туго пеленали	242

БЛАГОДАРНОСТИ243

Предисловие

ОТКРЫТЫЙ МИР

РЕПРЕССИВНОЕ ВОСПИТАНИЕ

В 1919 г. в возрасте около 36 лет Франц Кафка написал Письмо отцу¹ — сильное и горькое послание, которое хранилось у него в ящике и так никогда и не было отправлено². Еще один посмертный шедевр великого писателя родом из Богемии.

Его отец занимал видное место в еврейской общине Праги. Прибыльным торговым бизнесом и своим многочисленным семейством он управлял с одинаково кипучей авторитарной энергией. В тексте письма Кафка признает полное превосходство этого сильного человека, всегда подавлявшего его и не оставлявшего ему возможности для самореализации. Вспоминая о своих взаимоотношениях с отцом и его воспитательных методах, он рассказывает:

Но все Твои воспитательные меры точно достигли цели, мне ни на миг не удалось уклониться от Твоей хватки. И я — такой, каков я есть (отвлекаясь, конечно, от основ и влияния жизни), — я результат Твоего воспитания и моей покорности...

¹ Кафка Ф. Из дневников. Письмо отцу. — М.: Центр книги Рудомино, 2020.

² По свидетельству М. Брода, Кафка послал это письмо матери с просьбой, чтобы она сама передала его отцу; но мать не сделала этого, а вернула письмо сыну «с несколькими успокаивающими словами». — *Здесь и далее, за исключением особо оговоренных случаев, прим. пер.*

Твоими самыми действенными, во всяком случае для меня, неотразимыми ораторскими средствами воспитания были: брань, угрозы, ирония, злой смех и — как ни странно — самооплакивание.

Я не помню, чтобы Ты ругал меня прямо и явно ругательными словами. Да в этом не было и надобности, у Тебя было столько других средств...

Ругань Ты подкреплял угрозами, и они относились уже непосредственно ко мне. Мне было страшно, например, когда Ты кричал: «Я разорву тебя на части», хотя я и знал, что ничего ужасного после слов не последует (ребенком я, правда, не знал этого)... Я терял уверенность в собственных действиях. Мною овладевали колебания, сомнения. Чем старше я становился, тем больше накапливалось материала, который Ты мог предъявить мне как доказательство моей ничтожности; постепенно Ты действительно оказывался в известном смысле правым. Я опять-таки остерегаюсь утверждать, что стал таким только из-за Тебя; Ты лишь усилил то, что было во мне заложено, но усилил в очень большой степени, потому что власть Твоя надо мною была очень велика и всю свою власть Ты пускал в ход¹.

Кафка признает, что отцу удалось достигнуть своей цели: он воспитал сына так, как ему хотелось, сделав его слабым, хрупким, унылым, бездеятельным, инертным и запуганным. Это безжалостное саморазоблачение, настоящий крик боли писателя, прожившего всего 41 год и скончавшегося 3 июня 1924 г. в санатории под Веной. Его физическая немощь также просвечивает сквозь страницы *Письма отцу*. Кафка воспринимает свои слабости и недостатки как результат

¹ Кафка Ф. Из дневников. Письмо отцу. — М.: Центр книги Рудомино, 2020.

полученного им воспитания: обесценивающего, принижающего, демотивирующего. Без права на самостоятельность, развитие, признание.

МЫ ВСЕ РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

На диалекте моей родины — небольшого городка в провинции Пьяченца — детей привыкли вполне недвусмысленно называть «багаж». Проведя некоторые изыскания, я выяснил, что так говорят не только в моих краях, но и в других регионах Северной Италии, прежде всего в сельской местности, в больших крестьянских семьях, которые, обзаводясь многочисленным потомством, гарантировали себе наличие рабочих рук, а также обеспечивали уход за стариками (работу, которую сегодня выполняют сиделки в основном из трудовых мигрантов).

В семье моего отца, выросшего в горном селении в Апеннинах, было пятеро детей, и все они сообща принимали участие в ведении домашнего хозяйства. Отец считал такое положение дел совершенно нормальным, поскольку никакой альтернативы все равно не существовало, и он думал, что иначе и быть не может. Тех же взглядов он придерживался и в отношении меня, хотя я был его единственным сыном. Мне не хотелось бы останавливаться здесь на различных эпизодах, связанных с этим, — как приятных, так и не очень. Я хочу лишь подчеркнуть: это была смесь архаических представлений о воспитании с личными убеждениями, смягченная позицией моей матери, которая тоже выросла в крестьянской семье, но при этом была довольно равнодушной к строгому соблюдению принципов патриархального воспитания.

Покинув свою привычную среду и перебравшись в город, мой отец не изменил своего мнения о воспитании. Несмотря на то что в период с 1950 по 1970 г. мир изменился до неузнаваемости, он оставался верен своим представлениям о том, что дети должны подчиняться семейным интересам: «Ты мой сын и поэтому принадлежишь мне, в том числе экономически». Несколько лет назад мне случайно попало на глаза его свидетельство об окончании начальной школы. Прекрасно понимая, какой бесценный документ оказался у меня в руках — речь идет о 1930-х гг., я был ошеломлен, когда до меня дошло, что он окончил пятый класс лишь в 14 лет. Придя в себя от изумления, я понял, в чем причина: в деревне дети должны были работать и у них просто не оставалось времени на учебу. Мне предстояло разобраться со всем этим наследием, попытаться примирить жесткую критику с некоторой формой принятия прошлого своей семьи. В этом смысле я мало чем отличаюсь от тех, кто вырос в буржуазных семьях и на протяжении всей жизни пытался отделить себя от своего происхождения, со всеми его достоинствами и недостатками. Просто их драмы чаще оказывались в центре литературного сюжета в сравнении с переживаниями крестьянских детей.

Но это ничего не меняет. Речь все равно идет о построении собственной жизни в ходе длительного и мучительного процесса освобождения от родительского влияния.

Люция, женщина 52 лет, рассказывала мне, как на каком-то этапе этого процесса она ощутила необходимость написать письмо своим родителям:

Дорогая мама, дорогой папа,
прошло много дней с тех пор, как мы виделись в последний раз, но я, как сейчас, помню ваши руки, машущие мне вслед, ощущаю тепло ваших уже немного

Provveditorato agli Studi di Piacenza

DIREZIONE DIDATTICA DI Pianello

Comune di Pecorara Scuola di Pecorara

Certificate di Studio

Si certifica che l'alunno Novara Giovanni figlio
di Giuseppe e di Baldina Cristina nato a Pecorara
il 18-9-1929 19... proveniente da scuola ⁽¹⁾ pubblica ha compiuto con profitto
⁽²⁾ gli studi delle cinque classi elementari.

ELEMENTO DELLA CLASSIFICAZIONE	CLASSI per le quali si assegna il posto di merito nel certificato	POSTO DI MERITO assegnato all'alunno ⁽³⁾	ANNOTAZIONI
I	II	III	IV
1. Qualità attribuita all'alunno dall'insegnante di religione	tutte	Buono	Il nome dell'alunno è stato trascritto al Comune competente per l'annotazione degli studi compiuti nei registri di anagrafe. IL DIRETTORE (Firma leggibile) <i>Donaghetti</i>
2. Canto	3° e successivo	Sufficiente	
3. Disegno e bella scrittura	5° e successivo	Sufficiente	
4. Letture espressive e recitazione	5° e successivo	Sufficiente	
5. Ortografia	2° e 3°	Sufficiente	
6. Letture ed esercizi per iscritto in lingua italiana	tutte	Sufficiente	IL DIRETTORE (Firma leggibile) <i>Donaghetti</i> su giornale <u>209</u> di lezione IL MAESTRO (Firma leggibile) <i>Bulani Alina</i>
7. Aritmetica e contabilità	tutte	Sufficiente	
8. Nozioni varie e Cultura Fascista	1°, 2° e 3°	Sufficiente	
9. Geografia	3° e successivo	Sufficiente	
10. Storia e Cultura Fascista	4° e successivo	Sufficiente	
11. Scienze fisiche e naturali e nozioni organiche d'igiene	4° e successivo	Sufficiente	IL MAESTRO (Firma leggibile) <i>Bulani Alina</i>
12. Nozioni di diritto e di economia	5° e successivo	Sufficiente	
13. Lavori donneschi e lavoro manuale	tutte	Buono	
14. Insegnamenti pre-professionali delle classi integrative	tutte	Buono	
Condotta	tutte	Buono	
6° 7° e 8°	tutte	Buono	
6° 7° e 8°	tutte	Buono	
6° 7° e 8°	tutte	Buono	

LA COMMISSIONE:

IL PRESIDENTE: *Donaghetti*

I COMMISSARI: *Bulani Alina*

Pecorara 28/6-1930 XVII

(1) Pubblica o privata. - (2) E' stato promosso (o ammesso) alle classi... ovvero: ha completato con profitto gli studi di grado inferiore; ovvero: ha compiuto con profitto gli studi delle cinque classi elementari; ovvero: ha totalmente o, in parte, l'obbligo scolastico e dimostrato speciale idoneità al lavoro. - (3) Si indica col numero ordinativo da primo a quinto in quanto con questi valori: 1. Lodevole. 2. Buono. 3. Sufficiente. 4. Mediocre. 5. Insufficiente. - (4) Quando provvede la famiglia si iscriverà nella colonna III: disegnamento a cura della famiglia.

Scuola Tip. Ratti - Pavia - Piacenza (3242) - 6-1928 - 2000

Свидетельство об окончании пятого класса
начальной школы моего отца Джованни Новара,
28 июня 1939 г.

хрупких объятий, вижу немые вопросы, застывшие в ваших глазах.

Мама, я знаю, как сильно ты мечтала обо мне, как хотела меня. Ты никогда не ругала меня, никогда не поднимала на меня руку, ни разу не сказала мне «нет». Но ты держала меня крепко, слишком крепко — возможно, ты боялась потерять меня, опасалась, что со мной что-нибудь случится, что я перестану быть твоей девочкой. Я страдала от чрезмерной опеки, порой мне даже казалось, что я задыхаюсь. Я знаю, как трудно тебе было оторваться от меня — наверное, ты была слишком привязана ко мне, чтобы отпустить на волю. Я понимаю, что ты поступала так из огромной любви ко мне, но мне нужно было познавать окружающий мир, даже если это причиняло боль, нужно было жить.

Папа, признаюсь, что я временами ненавидела тебя за то, что ты бранился и кричал на меня, за то, что постоянно указывал на мои ошибки. Не могу забыть, как ты при этом хмурился и опускал голову, словно произошло что-то непоправимое. Мне же было нужно, чтобы меня видели и принимали такой, какая я есть, со всеми моими недостатками, с моими мечтами и заблуждениями. Наверное, ты так пытался объяснить мне, насколько трудна жизнь, что нужно поступать правильно, что это требует усилий... и мне действительно пришлось приложить много усилий — чтобы ощутить уверенность в себе.

В твоих глазах та свобода, о которой я мечтала (так и слышу, как ты говоришь «Слезь с груши»), была недостижимой целью для женщины, тем более в такой маленькой деревушке, как наша. Все мое существо восставало против вашей строгости, вашего стремления удержать меня при себе, против вашей любви.

Потребовалось время, чтобы я смогла обрести свободу и выбрать свой путь, не отрекаясь от вас.

Всего в нескольких строках перед нами разворачивается целая личная история о столкновении родительских ожиданий с тем, как в итоге сложилась жизнь.

Нет ничего важнее полученного воспитания. Как бы мы ни стремились оторваться от своих корней.

Мы пытаемся смягчить, скрыть, стереть воспоминания, часто заменяя их общими местами: «У меня было чудесное детство», «Я бы не хотел ничего изменить», «У меня были прекрасные родители», «Мне повезло вырасти таким, каким я стал», «Я почти ничего не помню о своем детстве и о том, как меня воспитывали. Я хочу смотреть только вперед».

Я мог бы привести множество примеров, когда люди, которых спрашивали о детских воспоминаниях, не могли вспомнить ничего или почти ничего. Забвение собственного детства часто свидетельствует о бурлящей там раскаленной магме, которую предпочитают не трогать. До поры до времени, пока не наступает извержение.

Много лет назад на одной важной конференции, в которой принимали участие разные знаменитости, я говорил о том, насколько важно для каждого из нас понять — и принять — полученное воспитание и каким образом можно этого достичь. Я привел несколько примеров, обнадеживающих и не очень. Одну известную итальянскую писательницу задели мои слова, она раздраженно ответила: «У меня было прекрасное детство, и я не нуждаюсь в подобном анализе». И начала свое выступление, рассказывая о событиях прошлого, свидетельствовавших как раз

об обратном. Я попытался возразить ей, но безуспешно. Несмотря на тяжелые воспоминания, детство оставалось для нее чудесной сказкой.

Казалось, что звучит знаменитая неаполитанская песня:

Что пришло, то пришло.

Что ушло, то ушло.

Все, что было, — прошло...¹

СОМНИТЕЛЬНОСТЬ ПОНЯТИЯ «ЧЕРНАЯ ПЕДАГОГИКА»

В 1970–1980-х гг. уроженка Цюриха Алис Миллер стала одной из многих психоаналитиков, отошедших от официальной линии Зигмунда Фрейда, в частности от его утверждений о том, что детские рассказы о насилии, в особенности сексуальном, лишь форма фантазий, связанных с формированием собственной сексуальности. Миллер поставила под вопрос фантастический элемент в детских воспоминаниях, призывая своих коллег-психоаналитиков (и не только их) обратить внимание на реальную проблему насилия по отношению к детям, прежде всего — на методы воспитания, принятые в семье. Речь шла о жестоком обращении, которое слишком часто необоснованно недооценивалось. Миллер отнесла побои, тумаки, садистские наказания к сфере так называемой черной педагогики. Ее книги на эту тему пользовались большим успехом и вошли в программу подготовки специалистов, которые в те годы боролись за соблюдение основных прав ребенка и адекватное воспитание.

¹ Simmo 'e Napule paisa' («Мы земляки-неаполитанцы») — неаполитанская песня, 1944 г., музыка Никола Валенте, текст Пеппино Фьорелли, исполнительница Вера Нанди. — *Прим. авт.*

Говоря о психологическом насилии, Миллер приводила в качестве примера истории, которые рассказывают детям. В частности, она упомянула легенду о святом Николае, распространенную в немецком кантоне Швейцарии, придуманную специально, чтобы во время посвященного этому святому праздника навязывать детям чувство вины¹. В этот день человек переодетый святым Николаем и пользовавшийся расположением родителей, вызывал детей по одному и, прежде чем вручить подарки, подвергал их форменному допросу, требуя, чтобы они признались в своих проступках. Напуганные малыши были вынуждены слушать его, не имея возможности избежать насилия над своей личностью, совершавшегося под видом традиционной забавы².

Несмотря на безусловные заслуги Алис Миллер, я считаю определение «черная педагогика» некорректным: педагогика представляет собой науку о воспитании, как школьном, так и домашнем, а вот сам процесс воспитания действительно может принимать любую форму, в том числе самую уродливую и жестокую по отношению к детям и подросткам. Так что принятая ею терминология представляется мне сомнительной.

НОВОЕ И ВМЕСТЕ С ТЕМ СТАРОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

В этой книге я впервые собрал воедино результаты исследований, которые проводил на протяжении более 30 лет. Моя цель — изложить на бумаге путь, который я проделал, чтобы

¹ Миллер А. Не замечай: Реальность детства и догмы психоанализа. — М.: Академический проект, 2023.

² Daniele Novara. L'ascolto si impara. Domande legittime per una pedagogia dell'ascolto. EGA, Torino 1997.

понять и принять полученное мной воспитание, в частности то, что можно назвать «воспитательный сценарий». Этот исследовательский проект я последовательно воплощал как с личной, так и с научной точки зрения на протяжении всей второй половины жизни, когда наконец понял, что обязан выйти за рамки банального бунта против родительских установок. Впрочем, этот бунт был вполне в духе времени.

Моя молодость пришлась на 1970-е гг., когда противостояние своему происхождению и авторитетам считалось если необязательным, то вполне естественным. Поэтому я был готов сломать все шаблоны, по которым протекало мое детство. Было так легко и приятно иметь возможность заявить: «Я не такой, как вы. Не смейте распоряжаться мной. Я не принадлежу вам». Эти заявления я адресовал всему миру взрослых, но в глубине души при этом обращался к своей семье, к их одержимости деньгами и внешним лоском. «Это меня не касается. Я другой. Я делаю другой выбор». Порой я думал: «Я еще докажу вам, что вы все делаете не так. Я буду лучше вас».

В действительности же я жутко увяз
в жизненных установках своих родителей.

Агрессивность матери и недостаточное присутствие отца глубоко задевали меня, хотя в то время мне было очень трудно это признать, прежде всего перед самим собой. Некоторые неудачи, пережитые мной в середине жизненного пути, — развод, неправильный выбор работы, длящийся неразрешенный конфликт с собственным прошлым, вынудили меня начать новый процесс самоисследования. До меня дошло, что я не понимал и не контролировал многие проявления собственной сущности. Назрела настоятельная необходимость вскрыть этот нарыв.

Юнгианский психоанализ привлек меня прежде всего тем, что он работал с бессознательным и его символическими архетипами. С его помощью мне удалось раскрыть некоторые аспекты моей личности, распознать определенные «серые зоны», о наличии которых я до того не подозревал. Прежде всего это позволило мне осознать необходимость переработки и осмысления полученного в детстве воспитания.

Это была работа сродни тому, чем
для Фрейда и его последователей,
изучавших бессознательное, стал анализ
собственного внутреннего мира:

стремлением настроиться на темные, таинственные уголки своей психики. Подобно бессознательному, полученное воспитание неразрывно связано с нашей сущностью, хоть эта связь отнюдь не всегда осознается нами. Она формируется в раннем детстве, когда мы еще слишком малы и беспомощны, и особенно остро ощущается в отрочестве, когда мы предпринимаем попытки взбунтоваться и вырваться из-под гнета родительской опеки. Исходя из этого,

я разработал метод, не связанный
непосредственно с психоанализом,
который, однако, предоставляет
возможность любому из нас сравнить
себя нынешнего с паттернами,
полученными в период полной
зависимости от воспитателей.

Для меня и для многих других людей дело обстоит именно так. Речь идет о трудном пути, но можем ли мы его избежать?

Книга, которую вы держите в руках, даст все необходимые инструменты,

призванные помочь вам освободиться
от любой формы зависимости или
отпечатка, оставленного воспитанием,
полученным в детстве, которые,
оставаясь скрытыми, подспудно
продолжают работать и влияют на нас
в течение последующей жизни.

Мы не осознаём этого воспитательного импринтинга или, что гораздо хуже, ошибочно полагаем, что осознаём. И в результате не можем избавиться от него на протяжении всей жизни. Сегодня нам нужны инструменты, с помощью которых мы смогли бы спуститься к своим воспитательным истокам, чтобы понять, что готовы принять, а от чего лучше будет отказаться.

Цель этого пути заключается в создании нового взрослого жизненного проекта, когда период, в котором происходят рост и созревание, сформированные в основном другими или по чужим фальшивым образцам, наконец завершился, и встает вопрос: «Что делать дальше? Продолжать идти тем же путем или выбрать другой? Хватит ли мне полученного воспитания? Или мне нужно что-то еще?» Эта потребность понять, откуда я пришел, с целью сознательно выбрать новое направление стала моей движущей силой. Я хотел перевернуть страницу и начать новую главу, которая уже не была бы ни бунтом против навязанных моделей, ни подчинением им, а открывала бы для меня новое пространство, где я научился бы сознательно прокладывать новые, неизведанные маршруты: жизнь сама по себе школа, а замыкая круг, мы одновременно открываем новые горизонты, беря наконец свое воспитание в собственные руки.

МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ

Сохраняя некоторые из эпизодов детства, отдельные фрагменты полученного воспитания, наш мозг задействует тот же самый механизм, благодаря которому мы запоминаем сны, чтобы впоследствии сделать их доступными для анализа на психоаналитической сессии.

Воспоминания о полученном воспитании именно в силу того, что они «кристаллизовались в памяти», позволяют глубже проникнуть в самую сердцевину истории нашей жизни, чтобы обработать и доработать пережитое, обнаружив там смыслы, ведущие к пониманию самих себя, — точно так же, как сны в психоанализе.

Это происходит потому, что память служит хранилищем, в котором откладывается все, что поддерживает связь с нашими корнями.

Не существует иного объяснения, почему мы сохраняем в памяти важнейшие эпизоды своего прошлого, имеющие огромное значение для нас самих и безразличные для всех остальных. Многие из этих воспоминаний не имеют никакого отношения к реальности, или, как сказал бы Фрейд, они принадлежат к «покрывающим воспоминаниям»¹.

Сам факт сохранения в памяти свидетельствует об их ценности и важности. Как повторяющийся сон, всегда скрывающий в своих глубинах сгусток истины.

¹ Фрейд использовал выражение «покрывающие воспоминания» для обозначения тех воспоминаний, которые запечатлеваются в памяти, не обладая при этом никаким особым значением, поскольку они служат на бессознательном уровне для сохранения вытесненных событий. — *Прим. авт.*

ПЕРЕВОСПИТАНИЕ ВЗРОСЛОГО

Осознание того, что полученное воспитание наложило на нас неизгладимый отпечаток, навязав нам определенный жизненный сценарий, влечет за собой ответственность за снятие этих ограничений и начало новой главы. Необходимо вступить в конфликт с этой частью себя, не отвергая ее, но стараясь выработать новую точку зрения.

Переоценка полученного воспитания остается единственным способом вырасти, жить собственной, а не навязанной жизнью, избавиться от чужеродных наслоений. Учиться во взрослом возрасте означает стряхнуть с себя полученную в детстве «форму», признать, что существуют и другие варианты развития и, хотя эта форма когда-то помогла нам стать на ноги, сегодня есть возможность выбрать новый путь.

Невозможно элиминировать
свой воспитательный сценарий,
придется осознать его, чтобы
затем освободиться от него.

На практике эта задача оказывается одновременно простой и сложной: необходимо не довольствоваться достигнутым, идти дальше, стать самому себе воспитателем, когда дистанция от детской зависимости сделает это возможным. Это того стоит. Ради нового начала.

Глава 1

Я РАССКАЖУ ТЕБЕ О СВОЕМ ВОСПИТАНИИ

*Я получила очень нетрадиционное воспитание.
Естественным образом я унаследовала от родителей
терпимость ко всякому разнообразию, связанному
с религией, расой, полом, образом жизни.*

Маргерита Хак.
Вселенная Маргериты

Тем, кто утверждает (а таких людей немало), что полученное воспитание, то есть методы воспитания, которые применялись к ним в детстве, не имеют большого значения, поскольку в дальнейшем каждый человек все равно находит свой путь в жизни, следовало бы прочесть автобиографии некоторых деятелей — как прошлого, так и современности, — которые свидетельствуют как раз об обратном.

КАК ВОСПИТАТЬ НАЦИСТСКОГО ПРЕСТУПНИКА

Офицер СС Рудольф Гесс был комендантом Освенцима с 1940 по 1943 г. Осужденный за преступления против человечности Верховным судом Варшавы, он, находясь в тюрьме, в ожидании исполнения вынесенного ему приговора, вдруг ощутил потребность записать историю своей жизни, уделив при этом особое внимание временам своего детства, словно это могло бы оправдать совершённые им

зверства. Именно в воспитании, полученном им в детстве, таился зародыш нацизма — он показался привлекательным человеку, подавленному жестокими и авторитарными воспитателями, которые требовали от него абсолютного и безусловного повиновения.

Я был воспитан в соответствии со строгими военными принципами. Тому же способствовала и глубоко религиозная атмосфера нашего дома. Мой отец был фанатичным католиком¹.

Маленького Гесса воспитывали не с помощью проповедей или «поучений», а посредством довольно жестоких методов, не оставлявших места для диалога; глава семейной иерархии пользовался неподконтрольной и непререкаемой властью. Настоящая казарма.

Отдельно укажу также на то, что я беспрекословно выполнял пожелания и приказы родителей, учителей, священника и др. и вообще всех взрослых, включая прислугу, и при этом ничто не могло меня остановить. То, что они говорили, всегда было верным. Эти правила вошли в мою плоть и кровь².

Аналогичные свидетельства можно обнаружить в фильме «Белая лента», где представлено поколение детей, ставших взрослыми при Гитлере. Это фильм о корнях зла. После завершения просмотра становится очевидным, что этот гнойник вызревал в мире их отцов — в образе жизни, принятом в деревне, где разворачиваются события, а особенно в отношениях родителей с детьми, в воспитании, опира-

¹ «Комендант Освенцима» (Rudolf Höss, Comandante ad Auschwitz, Einaudi, Torino 1985, p. 7).

² Там же, с. 8–9.

ющемся на психологическое и физическое насилие. При этом женщины также оставались безмолвными униженными жертвами домашнего насилия, принуждаемыми к покорности и полному подчинению миру мужчин. Обучение жестокости происходило не вербальным путем, но посредством принятия силовой модели поведения, примером которой служил глава семьи, под страхом отождествления себя с собственной непригодностью и слабостью.

Как показало исследование политика и психолога Джильолы Ло Кашо о связи между мафией и системами ценностей и, в частности, ее влиянии на детей в Палермо, насилие вырастает на почве насилия. В такой семейной и социальной атмосфере у детей формируется своего рода привыкание к насилию, к тому, что противостоять авторитетным взрослым в спорах или конфликтах невозможно, что им нужно безоговорочно повиноваться. Дети, выросшие в атмосфере насилия, впитывали этот язык, который становился их собственным кодексом, поскольку другого они не знали. Они страдали алекситимией¹, как и многие нацистские главари, бывшие не просто психопатами, но субъектами, полностью лишенными способности к эмпатии, то есть способности чувствовать и понимать эмоции — как свои, так и других людей.

В то время как мои младшие (соответственно на два года и на шесть лет) сестры были очень ласковы и во всем подражали матери, я всегда, уже с детства, отклонял все знаки нежности, о чем постоянно сожалели мать, все мои тетки и другие родственники. Рукопожатие и слово благодарности — это было пределом того, что можно было от меня получить².

¹ Алекситимия — затруднения в понимании, передаче, словесном описании своего состояния. — *Прим. авт.*

² Rudolf Höss, *Comandante ad Auschwitz*, Einaudi, Torino 1985, p. 9.

Именно такой тип людей организованные преступные группировки используют для уничтожения врагов, поскольку они в равной степени равнодушны как к себе самим, так и к другим.

Таким образом, как пишет в своих мемуарах Рудольф Гесс, не осознавая, что подписывает себе приговор, для него исполнение приказов, отдаваемых вышестоящими офицерами, превратилось просто в работу, в обязанность, способ зарабатывать на жизнь.

Мне следовало подчиниться:
ведь я был солдатом!¹

Прусское воспитание привело к такому чудовищному, леденящему душу результату, что после окончания Второй мировой войны победившие союзники приняли решение стереть этот регион — Пруссию — с географических карт из-за невосполнимого ущерба, нанесенного Центральной Европе доведенным до крайности прусским милитаризмом. Я вижу это так: слишком много вреда прусское воспитание нанесло детям, отвратив их от самих себя и превратив в серийных преступников, сотворивших на земле кошмар, получивший название холокост.

Всего этого не случилось бы,
если бы эти дети, повзрослев,
отвергли модель, которую им
навязывали с детства, вместо того
чтобы бездумно поддерживать
и воплощать ее вплоть
до катастрофического финала.

¹ Rudolf Höss, Comandante ad Auschwitz, Einaudi, Torino 1985, с. 49.

Но случилось то, что случилось, к несчастью для нас, для евреев и для всех тех, кто был зверски замучен и убит.

Вот в чем заключается смысл работы, которую нам предстоит проделать: осознать полученное воспитание, вступить с ним в конфликт, найти другой путь.

КОГДА ЖИЗНЬ ОБРЕТАЕТ СОБСТВЕННУЮ СИЛУ

Идеализировать детей, приписывая им способность делать выбор и отстаивать его, которой они не имеют и не могут иметь, поскольку почти полностью зависят от контролирующих взрослых, означает настоящее посягательство на их мир и их права. Вместо того чтобы признать необходимость создания условий, способствующих их развитию, взрослое окружение и воспитательная среда наделяют детей компетенциями, которые превышают их реальные возможности. Разумеется, такие возможности имеются, однако среди них отсутствует свобода выбора. По крайней мере в том, что касается мира взрослых. В такой атмосфере и вырастают монстры, как это произошло с комендантом Освенцима.

Тем не менее при переходе от детства к взрослой жизни могут возникать точки роста, когда в воспитательном сценарии остается свободное место для прорыва и освобождения.

Образцом подобной ситуации может служить история Гавино Ледда — писателя, родившегося на Сардинии, в регионе Мейлогу провинции Сассари в 1938 г., то есть перед самой Второй мировой войной. В своей автобиографической книге «Отец-хозяин» (Padre padrone)¹ он рассказывает о том, как его отец — пастух по профессии — врывается в школьный

¹ Gavino Ledda, Padre padrone, Rizzoli, Milano 1975.

класс, где он, шестилетний, с интересом слушает учительницу, и безапелляционно заявляет, что сын нужен ему дома.

«Я пришел забрать своего мальчишку. Он нужен мне, чтобы пасти овец и сторожить их... он же мой. Больше некому»¹.

Дом был полон голодных ртов, надо было кормить младших братьев, поэтому у Гавино не оставалось выбора: ему пришлось отправляться на пастбище, пасти овец и помогать отцу. Поначалу малыш тяжело переживал расставание со школой, но впоследствии смирился, покоровшись отцовской воле. Его учительница не выразила никакого протеста: шел 1944 г., а мы помним, какое тогда было время.

«Я любил своих младших братьев и не хотел, чтобы они умерли с голоду. В своем воображении я представил себе, что им грозит смертельная опасность и они просят меня послушаться отца. Так что, немного поплавав, я последовал за отцом без всякой на него обиды. И времени, прошедшего между выходом из класса и приходом домой, оказалось достаточно, чтобы я мысленно простился со школой»².

Дети приспосабливаются к навязанным
им воспитательным сценариям,
какими бы абсурдными они ни были.

Это естественно, поскольку речь идет об их выживании. Они не могут противостоять взрослым. Тем не менее, как

¹ Gavino Ledda, Padre padrone, Rizzoli, Milano 1975, с. 8–9.

² Там же, с. 13.

свидетельствует Ледда, в подростковом возрасте начинаются попытки освободиться. Начинается конфликт, смысл которого заключается в плодотворном противостоянии собственным корням и родительским установкам, в возникновении некоей витальной силы, возводящей более или менее четкую границу между своими желаниями и желаниями других, с которыми ребенок до сих пор считался и которым подчинялся.

15 марта 1962 г. Гавино написал отцу из казармы в Пизе, где он проходил военную службу:

Дорогой отец, я пишу тебе впервые — обычно мы переписываемся с мамой. Есть причина, почему сейчас я должен написать тебе. Как ты знаешь, в прошлом году я сдал выпускные экзамены за 8-й класс и открыл для себя важность образования. Я понял, что даже те, кого ты называл ягнятами, могут учиться, более того, они должны учиться. С самого детства ты говорил мне, что люди делятся на ягнят и львов. Что ж, теперь я точно знаю, кто я такой. Ты говорил мне о львах как о счастливых: здесь и вправду все они счастливы, начиная с самых мелких хищников, сержантов. Согласно твоей морали, я должен был стать по крайней мере лисой в курятнике. Я же чувствую себя травоядным, вынужденным питаться мясом¹.

Важно увидеть противоречия между тем, чего хотим для себя мы сами, и тем, чего хотят для нас другие. Мы уже выяснили, что происходит с теми, кто этого не делает. Гавино Ледда осознал эту диалектику во многом благодаря знакомству с сослуживцем Оттавио Тоти и завязавшейся между

¹ Gavino Ledda, Padre padrone, Rizzoli, Milano 1975, с. 225.

ними дружбе. В армии Ледда преодолел свою неграмотность и продолжил учиться дальше, вплоть до защиты диплома по словесности. В конце концов, ему удалось освободиться от доминирования отца:

Ты мне больше не хозяин и не отец. Мне не нужен отец, во мне не говорит голос крови. Я поднялся выше родства. За последние годы многие, чужие мне по крови, сделали для меня куда больше, чем ты, и есть те, кто готов помогать мне и дальше. Я уважаю тебя только как человека. Но если ты попытаешься напасть на меня, я остановлю тебя своими когтями. А если их окажется недостаточно, я наброшусь на тебя и задуш¹.

Вот так тот, кто когда-то был малышом Гавино, лягушонком под ногами отца-хозяина, превратился в принца-интеллектуала.

В 1970 г. он поступил в Академию дела Круска, а уже на следующий год был приглашен на должность ассистента по специальности «романская филология» в Университете Кальяри. Он стал автором бестселлеров. Вновь обретя возможность изучать родной язык и литературу, которой его лишили в шестилетнем возрасте, он посвящает этой науке всю свою жизнь. Сколько раз ему являлся призрак отца — а может быть, и матери, напоминая о том, что судьбой ему было предначертано совсем иное? И сколько сил понадобилось ему для того, чтобы разорвать эти путы и стать хозяином собственной жизни?

Это подлинное алхимическое превращение, которое каждый может проделать с собой и помочь совершить другим. Один из возможных его вариантов.

¹ Gavino Ledda, Padre padrone, Rizzoli, Milano 1975, с. 241.

А ЕСЛИ ОСТАТЬСЯ СИРОТОЙ?

Исторически сиротство, в особенности социальное, было привычным для наших предков: многие бедные семьи были не в состоянии прокормить детей или забеременевшая девушка, не имея средств к существованию, была вынуждена отказаться от новорожденного. Практика «колеса подкидышей»¹ позволяла передавать нежеланных младенцев в монастыри, где они оказывались на попечении монахинь, а некоторым из них даже выпадало счастье обрести новую семью.

Не вдаваясь в эту тему слишком глубоко, отметим, что сиротство в узком смысле слова означало прежде и означает теперь (с учетом неизбежных исторических различий) утрату одного или обоих родителей в раннем возрасте, например из-за смерти матери во время родов или из-за гибели отца-солдата на одной из многочисленных войн, которые на протяжении столетий уничтожали целые поколения мужчин, сражавшихся на фронте.

В ходе исследования, когда я понимал, что проблемы моих собеседников коренятся в далеком прошлом, я спрашивал, были ли в их семьях (по крайней мере, на протяжении последних 100 лет) случаи сиротства. Такие ситуации вполне могли способствовать эволюционному застою или стать

¹ Вращающийся ящик цилиндрической формы, обычно выструганный из дерева и состоявший из двух частей: одна обращена наружу, а другая вовнутрь. Раздвижная дверца позволяла поместить в бокс подкидыша, затем одним поворотом колеса внешняя дверца закрывалась и тотчас же открывалась аналогичная дверца, расположенная изнутри, и затем новорожденный передавался на руки монахиням. Часто рядом с поворотным механизмом был колокольчик, чтобы можно было оповестить обитателей монастыря о подкидыше. Первый такой средневековый беби-бокс появился во Франции в 1188 г., в Италии в 1198 г. В XIX в. насчитывалось около сотни таких боксов, впоследствии от них постепенно отказались. — *Прим. авт.*

помехой даже для следующих поколений. Другими словами, часто сиротство тяжким бременем ложится на плечи детей, что может разрушить всю семейную систему, препятствуя нормальному психоэмоциональному развитию их потомков. Такова история Анри Лабори, одного из величайших биологов XX в., автора известных научно-популярных трудов, широкую известность которому принесла книга «Похвала бегству»¹. Из его автобиографии «Предыдущая жизнь»² становится понятно, как отсутствие отцовской фигуры может способствовать формированию системы совместного воспитания ребенка, результаты которой проявятся со временем. Маленькому Анри не было и шести лет, когда он остался без отца — тот скончался от столбняка в 30 лет, несмотря на то что сам был врачом. Ребенок отчаянно цеплялся за память об отце, которого он потерял, сконструировав, таким образом, устойчивую форму идентификации, созданную его воображением.

Я никогда не тосковал об отце, поскольку с момента его смерти делалось все, чтобы он продолжал жить во мне, чтобы я стал им. Даже сегодня я отчетливо осознаю, что мой отец, или, скорее, миф об отце, всегда со мной³.

Его мать поначалу провалилась в пучину депрессии и отдалась от семьи.

Больнее всего мне далось расставание с матерью. Помню, как я всматривался в ее фотографию и мое сердце разрывалось от невысказанной любви, а глаза

¹ Henri Laborit, *Elogio della fuga*, Mondadori, Milano 1982.

² Henri Laborit, *La vie antérieure*, Paris, Grasset 1989.

³ Там же, с. 10–11.

наполнялись слезами. Я чувствовал, что у меня отняли самое дорогое¹.

В отсутствие матери он остался на попечении дедушек и бабушек с отцовской и материнской стороны, со всеми их контрастами и культурными различиями, оказавшись, таким образом, между двумя противоположными воспитательными тенденциями, как между двух огней.

В частности, живя с родителями отца, сосредоточенными только на своей невосполнимой утрате, он постоянно ощущал недостаток внимания заботы и ласки с их стороны, столь необходимых маленькому ребенку:

Безусловно, дедушка и бабушка любили меня, но никогда не окружали той безусловной нежностью, в которой нуждается ребенок с 5 до 10 лет. Я жил одиноко, замкнувшись в себе, и единственным теплым воспоминанием у меня остались вечера, когда бабушка укладывала меня в постель и учила молиться перед сном. После «Отче наш» и «Аве Мария» она добавила еще несколько слов, которые я повторял каждый вечер: *«Папа, ты будешь моей религией, ты станешь образцом для меня. Господи, помоги мне исполнить данное обещание»*².

Воспоминания Рике, как его называли в семье, оставались очень живыми, однако только в зрелом возрасте Анри смог осознать, какое влияние на него оказало такое необычное воспитание. Отец продолжал постоянно присутствовать в его жизни, а мать, несмотря на возникшие поначалу трудности, в дальнейшем все же стала довольно значимой фигурой.

¹ Henri Laborit, *La vie antérieure*, Paris, Grasset 1989, с. 12.

² Там же, с. 11–12.

Рассудочная холодность отцовской семьи, не признававшей никакой нежности, эмоциональная неустойчивость и социальная несостоятельность предков по материнской линии, а также присутствие матери — упорной труженицы, готовой на любые жертвы из любви к детям, которая придавала слишком большое значение моему положению первенца мужского пола, не сопровождавшуюся четкой логикой и правилами поведения, стали основными элементами, оказавшими влияние на формирование моей личности. Однако самым существенным фактором был любимый, вызывающий восхищение образ отца, не подавляющий, но всегда достаточно гибкий, чтобы постепенно, по мере того, как становилась насыщеннее и разнообразнее моя повседневная жизнь, превратиться в идеал: маяк на горизонте, освещающий неизведанный морской путь, всегда горящий и никогда не гаснущий свет. Отец был для меня самым прекрасным образом, созданным моим воображением¹.

Анри пережил и прочувствовал свое сиротство самым творческим, благоприятным и благотворным образом. Отсутствие одного или обоих родителей зачастую становится причиной пробелов в развитии и возникновении трудно компенсируемых «серых зон», однако Лабори заставляет нас задуматься о том, что,

помимо фундаментальной роли, которую играют родительские фигуры, вокруг воспитательного процесса ребенка формируется сложная структура

¹ Henri Laborit, *La vie antérieure*, Paris, Grasset 1989, с. 16–17.